

УДК 821.161.1 – Балтруш.09

В.В. Щербина**ОБРАЗЫ ПЕРВОСТИХИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ
ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ
СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ**

Создавая новый тип художественного мышления, русские поэты-символисты перестраивали всю систему тематики новой поэзии. Мотивы Бога, жизни и смерти, человека и вселенной звучат в творчестве представителей нового искусства старшего и младшего поколения, отодвигая на второй план социальную и гражданскую тематику. «Все эти темы могли подаваться под разными углами зрения – расширено до космичности или сужено до камерности», – отмечает М. Гаспаров [10, с. 12]. Новые темы повлекли за собой возникновение новых образов, призванных запечатлеть мечту поэта, его интуицию, показать иллюзорное движение мысли «за пределы предельного». Пытаясь запечатлеть в лирике неповторимые мгновения жизни, ее безусловные мимолетности, чарующие движения души, поэты обращались к абстрактно-образной лексике как к источнику своей неутомимой работы над словом, извлекая из каждого звука идею, а из каждого слова фантазию. Сложная, во многом субъективная поэтика символистов была подчинена стремлению передать в каждом образе музыку интуиций и чувств. Новый идейный и образный мир поэзии символистов становится неотъемлемой частью русской культуры рубежа веков, во многом меняя мировосприятие современников и определяя новое отношение к образному слову, которое становится абсолютом, в пределах которого может произойти гармоническое соединение реальности и мечты.

Обожествляя слово, каждый поэт-символист создает уникальную систему устойчивых мотивов и образов, характеризующих ее эстетическое своеобразие, где звучание слова оказывалось для понимания важнее, чем его значение. «Смысл лирики – это голос поэта, а не то,

что он говорит», – пишет поэт и, по мнению многих исследователей, один из самых одаренных критиков своего времени, М. Волошин [9, с. 543]. Голос поэта индивидуален и неповторим, в нем многогранно отражается созданный им художественный мир. Каждый голос обладает уникальной интонацией. По мысли М. Волошина, «неуловимость этой интонации, невозможность ее ухватить, закрепить, описать, составляют обаяние голоса» [9, с. 543].

Важная роль в формировании голоса поэта принадлежит звуковым образам и характеристикам, во многом определяющим неповторимость поэтической интонации. Цель данного исследования – выявить особенности использования образов первостихий в лирике Ю. Балтрушайтиса, определить их роль в художественном мире поэта, обозначить сходство и различия звуковых характеристик образов первостихий в творчестве Ю. Балтрушайтиса и других поэтов-символистов.

Юргис Балтрушайтис, по мысли Т. Шеховцовой, «отличался от собратьев по поэтическому цеху особым «художественным целомудрием» в раскрытии своего внутреннего мира и в использовании выразительных средств. Погоня за модой или поэтическими новациями, любая игра или поза были ему чужды» [14, с. 101]. Анализ творчества Ю. Балтрушайтиса показывает, что особенность эволюции поэта проявила себя в последовательном обращении к одним и тем же темам и проблемам. Определенный круг переживаний и настроений проходит сквозь все его творчество, в нем повторяются и развиваются одни и те же ведущие образы. В поэтическом мире Ю. Балтрушайтиса человеку отводится роль странника, и его жизнь уподобляется путешествию. Рассмотрим, какие образы сопровождают лирического героя в его непростом восхождении по «земным ступеням» и «горным тропам». Путь человека начинается весенним утром, земной мир открывает лирическому герою свои бескрайние просторы и приветствует песней: «Меж мной и вселенною в час полноты, / Не стало раздельной черты... / Мир – тихое пенье в редющей тьме» («Рассветные волны качают ладью...») [1, с. 33].

В стихотворении Балтрушайтиса «Великий час! Лучистая заря...» пространство, окружающее человека, кажется сотканным из тыся-

чи ярких красок и звуков. Общий эмоциональный колорит создает неповторимую атмосферу радостного полета. Грандиозная картина весеннего утра овладевает всем существом лирического героя и пробуждает в нем мысль о возможности гармонического единства человека и природы: «И звук за звуком, дрогнув в тишине, / Над лесом, над рекой, над нивой тучной, / Стремится к небесам, синеющим в огне, / Смеется и зовет из глубины беззвучной...» [1, с. 32]. В стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, которые вошли в сборник «Земные ступени» и относятся к раннему периоду творчества, пение является основным звуковым фоном. Лирический герой слышит пение вселенной и всех земных стихий. Музыка ветра, моря и солнца увлекает человека и заставляет думать о его высоком предназначении: «Нам жизнь во всем, где вспыхнул свет, / Правдиво горяча, / Нам луч везде поет привет, / Ликующе звуча...» («В игре мгновений, в смене лет...») [1, с. 37]. Песня солнца устремляется в высоту и ведет лирического героя за собой. Стихотворение наполнено светом и солнечным теплом, которое кажется почти осязательным. В данном поэтическом контексте солнечный луч представляется источником вдохновения. Его песня звучит торжественно, приподнимая человека над земной обыденностью: «Он в мире радостно горит / Идущим вдаль – искать. / Он всякий сумрак озарит, / Нам нужно лишь алкать» («В игре мгновений, в смене лет...») [1, с. 37].

Иначе звучит голос солнца в произведениях К. Бальмонта, представителя старшего поколения символистской поэзии. Образ солнца не только противопоставляется тьме и холоду, но и является, по мысли Л. Колобаевой, «символом интенсивности жизнеощущений» [13, с. 70]. Поэт преклоняется перед солнечной стихией, воспевая ее вечность и неисчерпаемость: «И много раз лик мира изменялся, / И много протекло могучих рек, / Но громко голос Солнца раздавался / И песню крови слышал человек» («Гимн Солнцу») [2, с. 162].

В стихотворении «Аромат солнца» К. Бальмонт рисует земной мир в единстве солнечной стихии, природы и человека, их существование взаимообусловлено, их единство может проявляться в разных сочетаниях: «В солнце звуки и мечты, / Ароматы и цветы... / Солнце

светит звонами, / Листьями зелеными, / Дышит вешним пеньем птиц, / Дышит смехом юных лиц» («Аромат солнца») [2, с. 110]. Человек готов приобщиться к гармонически прекрасной природе, соединяясь со светлым весенним миром. «Звон солнца» заполняет все пространство, растворяясь в природе и человеке. Поэт создает яркий, насыщенный красками и звуками образ, уподобляя жизнь человека солнечной стихии, дарующей радость и наслаждение.

В стихотворении другого представителя старшего поколения символистской поэзии В. Брюсова «Весенний дождь» звучит мысль о зыбкости земного бытия и скоротечности человеческой жизни. Человек скользит на грани уничтожения, он – лишь песчинка, малая частица природы. Лирический герой предстает слабым и беспомощным. По мнению поэта, гармоническое единство человека и природы невозможно: «Солнце смотрит и смеется, / Гребни травок золота... / Что ж нам, людям, остается / В мире зыбком, как дитя» («Весенний дождь») [8, с. 461]. Смеющееся солнце представляется безмятежной, равнодушной и глубоко безучастной к человеку стихией.

В поэтическом творчестве символистов поющей предстает и воздушная стихия. Так в стихотворении Ю. Балтрушайтиса «В горах» перед нами открывается грандиозный горный пейзаж: «Я слышу вихри стройные, / Поющие псалмы... / Как звон, они проносятся / В пространстве без конца, – / Поют, взывают, просятся / В мое – во все сердца» [1, с. 38]. Песню ветра подхватывает горное эхо, вещая о присутствии в мире сверхчеловеческой мысли, оберегающей «святыню бытия». Для лирического героя Балтрушайтиса земной мир – величественный храм, где звучат псалмы – торжественные церковные песнопения.

Образ ветра, символа стихийности, легкости, свободы человека, является сквозным в поэзии К. Бальмонта. Лирический герой стихотворения «Я вольный ветер, я вечно вею...» устремляется в небо, легко парит над землей вместе с воздушной стихией и сам становится ею: «Я вольный ветер, я вечно вею, / Волную волны, ласкаю ивы, / В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею, / Лелею травы, лелею нивы» [2, с. 63]. В стихотворении К. Бальмонта «Вопль

к ветру» образ воздушной стихии представляется многоликим и текучим. Дух ветра наделен мирообъемлющей широтой. Он впитывает в себя могучую энергию вселенной, перетекая границы дня и ночи, земного и неземного мира: «Хранитель верб свирельною весной, / Внушитель снов в тоске ночей бессонных, / Сказитель дум и песен похоронных, / Шуршащий ветер, услышь меня, я твой» («Вопль к ветру») [3, с. 320]. Шуршание ветра многообразно: в нем слышится и отзвук горьких раздумий, и радостные весенние ноты, впитывающие в себя всю красоту мира. Ропот ветра представляется неотъемлемой частью ночного пейзажа в стихотворении К. Бальмонта «Фантазия». Загадочная, неугасающая жизнь природы различима даже под покровом ночи: «Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск луны приемлет / И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез. / Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели, / В мягкой бархатной постели им отрадно почивать» («Фантазия») [3, с. 31]. Ночной лес полон таинственных звуков. Шепот деревьев завораживает лирического героя, душа которого именно ночью наиболее полно соединяется с природой. Спящий зимний лес дарует человеку покой, увлекая его в бесконечную звездную глубину.

В стихотворении В. Брюсова «У гроба дня» шепот ветра знаменует приход ночи. День и ночь – две могущественные силы, взаимодействующие друг друга, но взаимосвязанные в едином мировом бытии вселенной. С наступлением ночи день должен исчезнуть. Ветер, атрибут дневной стихии, слабеет и умирает вместе с ней: «Звезды мерцают, и кротки и пышны, / Как пред иконами венчики свеч. / Ветер порывистый, ветер чуть слышный / Горестно шепчет прощальную речь» («У гроба дня») [8, с. 451].

Мысль о трагизме человеческого бытия звучит в стихотворении А. Белого «Смерть». Поэт отождествляет ветер и смерть, давая возможность сильнее почувствовать одиночество и беспомощность затерянного в мировом хаосе человека: «Кругом крутые кручи. / Смеется ветром смерть. / Разорванные тучи! / Разорванная твердь» («Смерть») [5, с. 296]. Образ смерти наделяется определенным психологическим

обликом. Подвижная, вездесущая, она беспощадно смеется в лицо человеку, которому отведена роль беспомощного созерцателя.

Иным представляется пение воздушной стихии в творчестве А. Блока. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме» поэт раскрывает музыкальную сущность ветра, который радостно поет о весне, и превращается в некое веще начало: «Ветер принес издалека / Песни весенней намек, / Где-то светло и глубоко / Неба открылся клочок» («Ветер принес издалека») [6, с. 76]. В поэзии А. Блока находит словесное воплощение звучание зимней стужи и метели. Поэта привлекает метельная, мятежная сторона зимы, которая не оставляет места для созерцательного любования светлым снежным покоем: «Вот плывут ее вьюжные трели, / Звезды светлые шлейфом влача, / И взлетающий бубен метели, / Бубенцами призывно бренча» («Там, в ночной завывающей стуже...») [7, с. 81]. Воющая метель, взвихренные снега завораживают человека. Лирический герой сливается со стихией, устремляясь в уготованную для него бездну. Человек целиком растворяется в снежной буре, он не противостоит ее воле, не страшится ее дикого нрава, но воспринимает ее как нечто желанное и неизбежное. Вой ветра, пение метели часто сопровождается в поэтическом мире А. Блока звуком трубы: «Но, ложась в снеговую постель, / Услыхал заключенный в гробу, / Как вдали запевала метель, / К небесам поднимая трубу» («Целый год не дрожало окно...») [6, с. 258]. Как известно, образ трубы в символистской поэзии связан с апокалиптическими мотивами. Звук трубы с пением метели, шумом бури возвещают приход Мессии. Часто сам ветер, вьюга или буря выступают в качестве трубача, властвующего над судьбами людей.

Образ трубы ассоциируется с апокалиптическими мотивами и в поэзии Ю. Балтрушайтиса. В стихотворении «Marcia Egoica» поэт создает великолепную картину снежной бури: «Глухо ответствуя, льется в простор / Пение труб, повторяющих сбор, / Искрится, зыблется лунная мгла, / Дрогнула полночь, вся ночь ожила» («Marcia Egoica») [1, с. 90]. В стихотворении параллельно развиваются две темы, увеличивая разнообразие и сложность впечатлений. Картина зимней природы, охваченной снежным кружением, грандиозна и величава. Угрюмый трубач

на белом коне ассоциируется и с грозным Архангелом, ведущим за собой несметное белое воинство, и с первым вестником метели, в которой растворяется все пространство. Картина земли, объята «белым пожаром» представляется кульминацией стихотворения. Зима – время после смерти и до возрождения. Земной мир умер, но еще не воскрес. Метель очищает землю, укрывает ее от всего темного и готовит к новой жизни в ясности и чистоте.

Лирический герой стихотворений А. Белого «Ссора», «Раздумье» слушает тоскливый плач пурги за окном. Стихотворения основаны на параллелизме явлений природы и явлений из жизни человека. За пейзажной образностью легко угадываются тихие человеческие откровения. Ночная метель отражает настроение охваченного смятением лирического героя, горько разочаровавшегося в любви: «Пылит и плачется: расплчется / Пурга. / Заря багровая / Восходит на снега / Лихие / Шепоты во мгле лихих полей... / Сухие / Шелесты слетают с тополей» («Раздумье») [4, с. 241]. Звуковой строй и скачкообразный ритм стихотворения напоминают горькие всхлипывания.

К. Бальмонт отождествляет вой снежной стихии со злобным ревом громадной львицы. Метель воплощает представление о неуловимом роке, несущем гибель всему живому. Зима уподобляется смерти, под властью которой вся природа замирает в полной неподвижности: «Взревет метель забытой львами львицей. / Застынет облак белых караван, / Весь мир, как Ледовитый океан, / Раскинется безмерно гробницей» («Уж скоро глянет иней бледнолицый...») [2, с. 398]. Рев метели-львицы звучит как зловещее предзнаменование земному миру, погруженному в вечный покой, равнозначный небытию.

Мысль о зиме как о стихии, отнимающей у человека тепло, свет и жизнь, звучит в поэтическом цикле Вяч. Иванова «Зимние сонеты». Стихи о зиме пронизаны грустными воспоминаниями о прошлом, тоскливым ожиданием грядущей весны. Поэт вглядывается в зимнюю природу, прислушивается к ее загадочным и вещим голосам, пытается постичь тайны своей души, цепенеющей в «немых сугробах». Музыка метели звучит торжественно и трагично: «Но кладбище сугробов, облак тьмы / И реквием метели ледовитой» («Незримый вождь глухих

моих дорог») [11, с. 287]. Стихотворения из цикла «Зимние сонеты» насквозь пронизаны глубоко эмоциональным отношением. Раскрывая переживания лирического героя, поэт обращается к зимней природе, которая, по мысли Вяч. Иванова, не только тесно связана с человеком, как будто и существует для того, чтобы объяснить особое душевное состояние человека, которого сковала «зима души».

Проведенный анализ показывает, что образ морской стихии в поэтическом мире Ю. Балтрушайтиса развивается по кругу. Звуковые характеристики моря связаны с темой пути и проблемой духовных поисков лирического героя. Так в стихотворениях Балтрушайтиса, относящихся к раннему периоду творчества, человек только начинает свое нелегкое восхождение, он верит в познаваемость мира, в возможность гармонии с ним, ощущая себя частью вселенского бытия: «Как раздумье в сердце мирном, / В светлом море вал встает, – / О великом, о всемирном / Доле будничной поет» («Аккорды») [1, с. 35]. Морская стихия воплощает манящую красоту познания мира. Светлая красочная гамма сочетается с ощущением ничем не нарушенного покоя. В стихотворении Балтрушайтиса «На берегу» ласковое пение волн созвучно умиротворенным размышлениям лирического героя: «Как привольно, протяжно и влажно / Одинокие волны поют... / Как таинственно, плавно и важно, / Чуть белея, их гребни встают» («На берегу») [1, с. 78]. Постепенно картина ночного моря приобретает высокий, загадочный и философский смысл. У лирического героя еще не возникает ощущения роковой границы, непреодолимого барьера между земным и горным: «И безболно, с отрадною грустью, / Трепетанием звезд осиян, / Как река, что отхлынула к устью, / Я вливаюсь в святой океан» («На берегу») [1, с. 78]. В звуках морского прибоя внутренний мир человека находит самые глубокие соответствия, самые емкие символы для своего выражения и постижения высшего мира.

Чем выше поднимется лирический герой Балтрушайтиса по «земным ступеням» и «горным тропам», тем враждебнее становятся проявления морской стихии. Мысль о невозможности соединения земного и небесного звучит в стихотворении Ю. Балтрушайтиса

«Кормчий». Развернутая картина морской бездны несет ощущение пространственности, бесконечности. Кормчий – перевозчик царства мертвых – соединяет два несовместимых берега, два далеких мира. Звуковые образы сменяют друг друга, движутся в едином и цельном ряду и передают движение темы стихотворения: «В беге сквозь пену, сквозь брызги, / Взрытые синею тьмой, / Строен в их свисте, в их визге, / Кормчий глухой и немой... / Только в смятении диком / Вскинутых к небу валов / Чудится слитый с их криком, / Хохот проклятья без слов...» («Кормчий») [1, с. 121]. В каждом звуке волн ощущается дыхание смерти. Лирический герой чувствует себя безмерно одиноким на границе двух миров, но именно в этом роковом земном одиночестве и дано человеку познать мир и самого себя.

Мысль о дисгармонии во внешнем мире и в душе человека звучит и в стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Не называй далекой бездной...». Дикий заунывный шум волн беспределен в своей многозначительности. Лирический герой, тщетно пытаясь познать мир через самого себя, остается «слеп и глух» к таинственным откровениям морской стихии. В стихотворении реализуется лирико-психологический конфликт отчужденности от неземного мира и устремленности к нему: «Не называй далекой бездной / В тоске твоих насущных слов / Неизмеримость ночи звездной / И темный вой морских валов...» («Не называй далекой бездной...») [1, с. 211]. Лирический герой Балтрушайтиса проходит «горными тропами», пытаясь достичь вершин своего духовного бытия, а затем снова возвращается к «земным ступеням», чтобы начать новый этап восхождения в пространстве и времени. Воплощая концепция «вечного возвращения», Балтрушайтис утверждает, что повторение предрешено и для вселенной, и для человека, который на пути своих земных исканий неизбежно проходит по кругу.

Обогащенный опытом «земных ступеней» и «горных троп», лирический герой стихотворения Ю. Балтрушайтиса «Письмо» бережно прислушивается к молитвенным наставлениям волн, поющих оды. Жажда гармонии и света в душе человека особенно сильна, когда он слушает голоса первостихий: «Пылает время, жизнь пестра, / И в звездных искрах дым костра, / Где мчит забвенье хороводы, / И миг,

что шумная волна / У скал морских, не зная сна, / Поет молитвенные оды» «Письмо» [1, с. 218]. Молитва не только передает особое душевное состояние человека, но и олицетворяет его порыв к неземному миру. В другом стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Вновь День свершил свой пестрый круг...» море осмысливается в свете религиозного идеала и стремлений к потустороннему миру. Вся жизнь моря представляется в его возвышенном общении с Высшими силами. Плавность действия, величаво-спокойная интонация создают особое молитвенное настроение: «И вновь – во мгле – со мной самодруг – / Мне, ослепленному борьбой, / Поет о Вечности прибой...» («Вновь День свершил свой пестрый круг...») [1, с. 241]. Угасает день и вместе с ним исчезает все личное, индивидуально-временное в порыве человеческой души к общему и всемирному. В этом исчезновении рождается новое ощущение жизни как грандиозного драматического действия. Так звуки пения морской стихии сопровождают лирического героя Ю. Балтрушайтиса, только начинающего свое восхождение к вершинам духовного бытия. В стихотворениях поэта, относящихся к более позднему периоду творчества и представленных в сборнике «Горная тропа», человек предстает обновленным и способным услышать в вечной песне морского приюта таинственную музыку мироздания.

Мысль о возможности взаимопонимания человека и стихии звучит в стихотворении В. Брюсова «В дали, благодно сверкающей...». В минуты большого духовного и эмоционального напряжения душа человека способна ощутить живое единство вселенной, постичь тайны природы, ее речь и голоса: «Ропот ровный и томительный, / Плеск беспечный, шум приюта, / Голос сладко-убедительный, / Зов смиренья, зов покоя» [8, с. 377].

По мысли Л. Колобаевой, образ моря в творчестве К. Бальмонта противопоставляется образу суши, которая видится лирическому герою, жаждущему безграничной свободы, тюрьмой. «И в строках перепевных донныне хранится / Ропот бури, и гром, и ворчанье волны, – / В них кричит альбатрос, длиннокрылая птица, / Из воздушной, из мертвой, из вольной страны» («Исландия») [2, с. 111].

Чарующие мелодии, подаренные морской стихией, люди слушают и бережно хранят в своем сердце.

Мысль о родстве музыкального искусства и моря звучит в стихотворении К. Бальмонта «Рождение музыки». Музыка, рожденная морем, создает и переносит нас в состояние идеальности, внушая мысль о бессмертии человека: «Звучало море в грани берегов, / Когда все вещи мира были юны, / Слагались многопевные буруны, / В них был и гуд струны, и рев рогов, / Был музыкой и лес, и каждый ров...» («Рождение музыки» [2, с. 340]. Творящую силу мироздания поэт находит в морской стихии и в глубинах самой вселенной. Звуки музыки заполняют пространство, наполняя его плотью и кровью мирового целого. В стихотворении «Завет бытия» поэт создает образ «полнозвучного моря», призывая человека жить полной многообразной жизнью. Для поэта морская стихия – символ интенсивности жизнеощущений, неисчерпаемый источник звуков и красок.

Звуковые характеристики моря в раннем творчестве А. Блока связаны с темой ожидания встречи с Прекрасной Дамой: «Так – невозможного искала, / И лишь далеко ввечеру / Сознанием поздним разгадала / Волны певучую игру» («Вчера я слышал песни с моря...») [6, с. 469]. Шепот волн, говор морских вылов, береговые песни, зов чаек, звучащие в поэтическом мире ранней поэзии А. Блока, играют важную роль в создании образа Прекрасной Дамы, как бы сотканного из ползузвук и полутонов.

В стихотворениях А. Блока, относящихся к более позднему периоду творчества, все чаще звучит мысль о напрасном ожидании Таинственной Девы, чей образ отождествляется с сиреной, манящей путешественников в бездну: «Там поют среди серых камней / В отголосках причудливых пен – / Переплески далеких морей, / Голоса корабельных сирен» («Взморье») [7, с. 39]. В шуме волн лирическому герою слышится зов из потустороннего мира, а Дева-сирена приобретает пугающий облик смерти.

Похожие мотивы звучат в стихотворении Вяч. Иванова «Голос Моря»: «Твой ли звон я слышу, Море? / Твой ли, Вечность этот зов? / Место есть в глубоком хоре / Стонам смертных голосов» («Голос

Моря») [12, с. 597]. Пение волн, несущих отблеск вечности, внушает лирическому герою мистическую тоску, пугает и завораживает.

Подведем некоторые итоги. Книги Ю. Балтрушайтиса «Земные ступени» и «Горная тропа» представляют собой как бы историю лирического героя, в которой обобщаются наблюдения над жизнью и философские рассуждения о человеке. Целостность мироздания открывается в звуке. Каждой стихии характерен свой звук. В стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, относящихся к раннему периоду творчества, пение стихий заполняет весь земной мир. Пение солнца согревает человека и дарит вдохновение. Пение ветра зовет ввысь к вершинам духовного бытия. Образ морской стихии развивается по кругу. Характеристики образа моря меняются соответственно этапам духовного формирования человека.

Литература

1. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне / Ю. Балтрушайтис. – Вильнюс: Vaga, 1983. – 319 с.
2. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / К.Д. Бальмонт. – М.: Худ. лит., 1983. – 750 с.
3. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / К.Д. Бальмонт. – М.: Худ. лит., 1980. – 742 с.
4. Белый А. Стихотворения / А. Белый. – М.: Книга, 1988. – 575 с.
5. Белый А. Стихотворения и поэмы / А. Белый. – М.-Л., 1966. – 655 с.
6. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. / А.А. Блок. – Т. 1. – М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. – 715 с.
7. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. / А.А. Блок. – Т. 2. – М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. – 466 с.
8. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. / В.Я. Брюсов. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1973. – 672 с.
9. Волошин М. Лирика творчества / М.А. Волошин. – Л.: Наука, 1988. – 845 с.
10. Гаспаров М.Л. Поэтика «Серебряного века» / М.Л. Гаспаров // Русская поэзия «Серебряного века». 1890-1917. Антология. – М.: Наука, 1993. – С. 5-45.
11. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы / В.И. Иванов. – Л.: Советский писатель, 1978. – 560 с.
12. Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. / В.И. Иванов. – Т. 1. – Спб.: Академический проект, 1995. – 597 с.

13. Колобаева Л.А. Русский символизм / Л.А. Колобаева. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 294 с.

14. Шеховцова Т.А. Колокольная переключка (Ю. Балтрушайтис и Б. Чичибабин) / Т.А. Шеховцова // Материалы Чичибабинских чтений. 2000-2002. – Х.: Эксклюзив, 2002. – С.101-108.

Анотація

В.В. Щербина. Образи першостихій у поетичному світі Юргіса Балтрушайтиса у контексті російської символістської поезії.

У статті розглядається специфіка розвитку образів першостихій, які супроводжують ліричного героя поетичного світу Юргіса Балтрушайтиса на шляху до вершин духовного буття. Встановлено, що характеристики образів першостихій змінюються разом з досвідом, що набуває людина, рухаючись вгору. Аналіз творчості поета показує, що спів є основним звуковим фоном у віршах Ю. Балтрушайтиса, що було написано протягом раннього періоду творчості. Образ сонця, що співає, є для людини джерелом натхнення. Образ вітру у художньому світі Ю. Балтрушайтиса символізує легкість та прагнення свободи. Показано, що образ зимової заметлі використовується у віршах, пов'язаних з темою очікування приходу Месії. Встановлено, що образ моря розвивається по колу. Характеристики образу морської стихії пов'язані з темою шляху та проблемою духовних пошуків ліричного героя. У ліриці поета акцентовано прихований внутрішній рух, що пробуджує в людині думку про її високе призначення. Доведено, що в ліриці Ю. Балтрушайтиса поруч із типово символістськими мотивами безвиході земного існування, безнадійності й песимізму, утверджується віра в Бога та людину.

Ключові слова: образи першостихій, звукові характеристики, лірика, символістські мотиви, художній світ.

Анотация

В.В. Щербина. Образы первостихий в поэтическом мире Юргиса Балтрушайтиса в контексте русской символистской поэзии.

В статье рассматриваются особенности развития образов первостихий, которые сопровождают лирического героя в поэтическом мире Юргиса Балтрушайтиса на пути к вершинам духовного бытия. Установлено, что характеристики образов первостихий изменяются вместе с опытом, который приобретает человек, совершая «восхождение». Анализ творчества поэта

показывает, что пение является основным звуковым фоном в стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, относящихся к раннему периоду творчества. Образ поющего солнца является для человека источником вдохновения. Образ ветра в художественном мире Ю. Балтрушайтиса символизирует легкость и стремление к свободе. Показано, что образ зимней вьюги используется в стихотворениях, связанных с темой ожидания прихода Мессии. Установлено, что образ моря развивается по кругу. Характеристики образа морской стихии связаны с темой пути и проблемой духовных поисков лирического героя. В лирике поэта акцентируется скрытое внутреннее движение, которое пробуждает в человеке мысль о ее высоком предназначении. Показано, что в поэзии Ю. Балтрушайтиса помимо типично символистских мотивов обреченности, безнадежности земного существования, пессимизма, утверждается вера в Бога и человека.

Ключевые слова: образы первостихий, звуковые характеристики, символистские мотивы, лирика, художественный мир.

Summary

V.V. Shcherbina. The Images of Elements in Yurgis Baltrushaitis' Poetic World in the Context of Russian Symbolist Poetry.

The peculiarities of the development of element images which accompany lyric character on his way to the spiritual summits in Yurgis Baltrushaitis' poetic world are considered in the article. It is shown that characteristics of element images change according to the experience gained by a person who is going upwards. It is proved that singing is the main sound background in the verses written on the early stage of creative activity. The image of singing sun is the source of a person's inspiration. The image of wind symbolizes light and desire of freedom. It is shown that the image of snowstorm is used in the poetry connected with the idea of Messiah's expectant arrival. The image of the sea develops accordingly to the spiritual development of a person. The characteristics of the sea are connected with the idea of the way and the problem of spiritual seeking of a person. In the lyrics the idea of hidden inner motion is emphasized. This idea is connected with the problem of a person's high destination. It is shown that in Baltrushaitis' poetry the belief in God and man are claimed along with typical symbolists' motives such as pessimism, doom and hopelessness of a man's being.

Key words: element images, sound characteristics, lyrics, symbolist motives, poetic world.

Інформація про автора

Щербина Вікторія Володимирівна: ORCID: 0000-0002-2717-3855, кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології, перекладу та мовної комунікації Харківської Національної академії Національної гвардії України; пл. Повстання, 3, м. Харків, 61001, Україна